

ЛАБЫТНАНГИ
ЧЁРНЫЙ АЛЬБОМ

Санкт-Петербург
2017

ЛАБЫТНАНГИ

ЧЁРНЫЙ АЛЬБОМ

Санкт-Петербург
2017

УДК 821.161.1-1(081)

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44

Л12

ISBN 978-5-4462-0095-5

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

А.Р.

Пойдём, мой друг, оттянемся маленько!
Интеллигентно, как сказал бы классик, прошвырнёмся!
Хорошее начало вставить стенгу
специалистам-извращенцам по приёму

чего-то внутрь и передаче слов пустых наружу,
изрядно гадких, выворачивающих душу,
ползущих по асфальту волокушей,
как ихтиандры, опупевшие на суше.

Кому волна морская — мать родная,
тому любая жидкость — по колено!
Пусть на цепи сидит толпа береговая
и думает, что море — брызги пены!

Пиратский бриг плевал на все законы!
Пусть соблюдают их пугливые кастраты!
Что стенка им, что девушкино лоно —
им — побоку, они — не виноваты:

их так склепала жизнь, подобно гайке,
крути-верти — их хрен сломаешь! И не сможешь!
Как их резьба привинчена к волшебной пайке!
Не оторвёшь, простак! Себе дороже!

Гуляй, рванина, перешагивая лужи!
Твоя планида, депортант из Эльсинора,
на чёрной банке «Ягуара», где, напряжась,
белеет парус одинокий, споря с морем.

ТЕНЬ ПОЭЗИИ

Когда-нибудь в каком-нибудь тропическом краю,
на тихом побережье океана (или моря),
ласкающем весёлую и дружную семью
волной скользящей и солёной априори,

о, да — и вас, конечно же, счастливую вполне:
великолепный муж-отец, здоровые детишки.
Не верьте, люди врут и говорят, что счастья нет!
Смотрите, вот оно: как и в буклете-книжке.

Благословенен рай земной под небом голубым,
хранящим ваш спокойный мир на безмятежном пляже!
В сиреновом ландо подвозит плавно чёрный Джим
к торчащему во тьме в звездищах фюзеляжу.

И вечером, вдыхая несравненный аромат,
что бриз несёт, играясь, с моря (или океана),
вы совершаете совместно с мужем пылкий акт
и входите в астрал, но раньше, чем в нирвану.

И никакой поэзии, поэтов и стихов,
извечной похоти бродяг и трёпа под бутылку!
Но — как назло — вдруг выползла цепочка облаков,
напоминающих глумливую ухмылку.

ПРОЦЕСС

Е. М.

Мы сами себе полиция
и сами группа захвата.
Арестовала юстиция —
мы сами себе адвокаты!

Мы сами себе прокуроры,
впаяем — мало не будет:
судебные приговоры
палач топором нарубит!

Мы — следователи и хулиганы,
наильники и потерпевшие,
охрана цепных «полканов»
и «зеки», напрасно севшие!

Мы сами себе истязатели,
предатели и нарушители,
народные заседатели,
штрафующие обвинители,

продажные лжесвидетели
и подлые осведомители,
и вечные гробокопатели,
и всё это так изумительно!

НОВЫЙ ПРОРОК

Глаголом? Жечь? Да на фи́га!
Зажгу-ка газ. Поставлю чайник.
И мне не страшен ураган
в далёком Тихом океане.

Мой шестикрылый серафим
какао пьет в кафе на Невском,
а я пишу себе стихи
о чем-нибудь душевном, женском.

Дуэльный пистолетик мой
не помышляет о дуэлях.
Возьму-ка томик Козьмо
и почитаю я в постели.

О, да! Какая там любовь!
И драма жизни — поражает!
Дон Педро — душка для того,
кто возжелал земного рая.

И некто в рамочке стоит
опорой крепкой в изголовье.
Вы скажете: «Вот паразит!»
Да, паразит! И что? Не скрою!

ОДНО УТРО

А на завтрак тебе будет гробик,
если завтрак не принесёшь!
И не морщи ты свой детский лобик,
и попробуй скажи: «Подождёшь!»

Я щас встану! Небритый и хмурый,
раздражительный гризли-ворчун
разнесёт ванну, мебель. О, утро!
Это — горе. Не всем по плечу.

Вместо кофе — угрюмая морда.
Вместо масла — дебильный долдон.
Он собрался. Последним аккордом
было слово на «б». Вышел вон...

Я вздохнула и пальчиком нежным
провела по щеке не спеша.
Слава богу! Поеду к Надежде,
врежем водочки. Жизнь — хороша!

МУЖЧИНА — КАМЕННАЯ СТЕНА

Я — мужчина как камень.
Нет, точнее — асфальт.
Подскользнулась? Упала?
Но я не виноват!
Все коленки разбила?
И колготки — в рваньё?
Это дворник — дебильный!
Ну, а я-то при чём?
Просто смена погоды.
Снег и лёд, то да сё.
Я — хороший и добрый.
Я — асфальт. Вот и всё.

СПОРЫ О СЧАСТЬЕ

В.К.

Споры о счастье — забавная тема!
Вы говорите, что есть оно, есть!
Скушал конфетку — и нету проблемы,
если вы, скажем, хотели поесть.

Началось счастье! Мечта организма:
после конфетки прилечь на диван.
Рядом, естественно, к вашей харизме
ловко придвинулась в счастье мадам.

Счастье волною переполняет,
требуя выхода, но из чего?
Молния, сволочь, опять заедает.
Кончилось счастье — ищите его!

СТЕСНИТЕЛЬНОСТЬ

Сморозить глупость — вот невелика затея!
А жизнь всю промолчать — ужель достойнее идея?
Из крайности одной — в другую попадаю.
Ах, боже мой, за что я так страдаю?

Восторгам предпочтя уныние глухое,
толпе весёлой — одиночество лихое,
и что я жду бесцельно, может, зря,
когда в окно врывается заря?

Я мучаюсь, предчувствием сгорая.
Я между стен, как маятник, шагаю,
и мысль моя свивается змейей.

Как нелегко орлино вскинуть крылья —
гораздо проще плакать от бессилья
и не сражаться со своей судьбой!

ДОМАШНЯЯ ССОРА

Я же тебе дал такие деньжищи!
Такие вот хорошие синие тыщи!
А ты распустила свои волосища,
да и не в голос орёшь, а в голосище!

Дома — как в поле: вкусного — нету!
О, как надоело жевать бутерброды!
Ты же всё бродишь и бродишь всё где-то.
Не понимаю! Но это заводит!

Да разве с тобой за «Спартак» поболеешь?
Да ты же «Реал» не отличишь от «Зенита»!
Пиво не трогай! Опять озвереешь,
станешь, как кобра, шипеть ядовито!

Дети несчастные маму забыли!
Ходят, пищат — как крысята в подполье.
Взять, удавить их? Верёвка и мыло,
двадцать секунд — и как птица! На волю!

Что-то, наверное, мы потеряли.
Вспомнить бы что? И куда же пропало?
Помню, что книжки когда-то читали.
Что-то хорошее было. Мечтали...

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

Мы встретились случайно, как два урки,
отпущенные с зоны в Первомай.
Ты собирала в мусорке окурки,
я уронил бутылку под трамвай.

Я понял, что другой такой не сыщешь —
такие выдаются под заказ,
и, к счастью, завалились пару тысяч,
чтоб разгуляться, как в последний раз.

Я закурил и подкатил вальяжно,
и пригласил — как будто на балет.
И ты решила: «Паренёк отважный!
А, собственно, а почему бы нет?»

Мы примостились на окне в подъезде
и сразу развернулись на окне.
Газета свежая о двадцать пятом съезде
была здесь актуальною вполне.

А дальше было в голубом тумане —
по рельсам бороздили корабли,
летели самолеты над нирваной
и шхерились подлодками вдали.

Тебя забрали сразу. Но позднее,
когда в разлуке оказался я,
вдруг понял, что влюбился — без сомненья,
и что ты тоже влюблена в меня.

Я помню всё: счастливые мгновенья,
как я страдал, как выбился из сил,
и наконец, я написал стихотворенье,
той девушке, которую любил.

ОТРАВА

Я знал, что отравы! Но пил с наслаждением.
Такая любовь! Это медленный яд —
к тебе прикасаться, но не в сновиденьях,
в натуре, как грубо сейчас говорят.

Вот только б жена моя не заявила!
А то вместо неба — сомкнётся вода.
Попью-ка чайку. В дверь опять позвонили?
Ком в горле. Конец! Всё пропало! Беда!

ДОБИВАЮЩИЙСЯ ПРИНЦ

Я — Принц с заглавной буквы.
Добился я всего:
добил свои продукты —
нет больше ничего!

Добил все деньги в доме.
Разбил фаянс, стекло,
и телевизор вроде
как будто бы того.

Добил родную маму,
она кричит: «Дебил!»
Она оговорилась —
сказала бы: «Добил!»

Чего бы мне добиться?
Добраться бы куда?
В Принцессу, что ль, влюбиться?
Вот это — дело! Да?

СОВСЕМ НАДОЕЛИ СТИХИ!

Стихи совсем мне надоели!
Зачем поэты пишут их?
От скуки, что ли? От безделья!
Сидят — и сочиняют стих!

В окошко смотрят — оп-па! Лето!
И девушки — обнажены!
Ну, как не написать об этом
и быстро спрятать от жены?

Не очень жарко в храмах парков,
но можно вмиг всё потерять,
нарвавшись на блондинок ярких!
Что я могу ещё сказать?

Что утром «мусора» отпустят
за деньги все мои грехи.
Но что за подленькое чувство?
Мне надоели все стихи!

ТОЛЬКО ВИНО!

Сначала выпьем белого холодного вина.
Потом — немножечко холодного пивка.
Добавим рыжего, с клопами, коньячка —
и будешь ты маленечко пьяна.

Потом завалимся на четырёх ногах домой.
Ты скажешь: «Слишком поздно и уже пора».
Я поддержу тебя — продолжится игра,
и буду врать, что вечно холостой.

Ты тоже сразу вроде не поверишь как бы так.
Потом — всё будет хорошо и зашибись!
Такая, в сущности, смешная эта жизнь!
Но утром понимаешь, что дурак.

ОДНОЙ КЛЕОПАТРЕ

Мечтала быть телеграфисткой,
а стала просто Клеопатрой.
А я хотел быть папой римским,
но стал я Цезарем — как папа.

Жаль, королевство маловато —
квартира. И не разгуляться.
Мечтал бы стать телеграфистом —
и стал бы просто — Клеопатром.

ВОТ КАК БЫВАЕТ

Внезапно встретив королеву,
неловко я снимаю шляпу.
Я понимаю, что нелепо.
Она считает: «Вот растяпа!»

Вчера продул три штуки баксов.
Кому! Болвану Гильденстерну!
Потом с придурком Розенкранцем
пошли за полночь к этой стерве.

Естественно, что всё напрасно!
А что хотел в двенадцать ночи?
Опять в пролёте. Мимо кассы.
Наверно, выгляжу не очень.

Вновь предстоит разбор полётов.
Как многословен этот Клавдий!
Пусть ожидает с дрожью что-то
мой, самых лучших правил, дядя.

Бесится с жиру — толку мало.
Тоска и скука. Непотребство.
Споёт потом Шекспир иль Марлоу —
печальной будет эта песня.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЛЮБВИ

Любовь делить мне тяжело:
не сахар, не морковка!
И весит около кило.
Продать бы? Да неловко.

Наверно, много не дадут.
С холодным равнодушьем
пощупают и отойдут,
и скажут, что не нужно.

Куплю-ка крепкого винца
да разопью с друзьями!
И может быть, изменится
страданий состояние.

Печальные последствия
такой борьбы с любовью:
«Я нахожусь под следствием!
Плохи дела, не скрою».

СКАЗКА ПРО РЕПКУ

Репка так крепко
крутила колёсами,
да и на «травку» подсела, ширявшись.

Дедка — за Репкой:
градусы — вёслами
грёб не на шутку, правильно взявшись.

Бабка — за Дедкой,
тряхнув стариною,
в бизнес ударилась с денежной целью.

Внучка — за Бабкой,
беря шириною,
быстро пристроилась в ряд на панели.

Жучка — за Внучкой
крышует помалу —
что ж им, «легалым», делать в полиции?

Мурка — за Жучкой
на первом канале
с «вискасом» носится за инвестиции.

Мышка — за Муркой.
Вцепилась последней:
тянет-потянет — вытянуть хочется!

Не получается
что-то намедни —
сил не хватает у нашей работницы.

ЯГУАР

А.Р.

Как чёрный обелиск стоял мой вечный «Ягуар»,
сияя непотребно медным самоваром.
«Тот, кто здесь бродит», был не Хулио Кортасар,
пугая девушек, читающих Ремарка возле бара.

Хотя не лыком шит, но одинокий — словно перст,
нерукотворный памятник истерзанного быта,
я вдруг подумал: «Ну и где же ты, Модест?»
И феерически возник Модест на зов моей молитвы.

Я закурил вторую, чтобы не дожить до ста.
Мой чёрный обелиск сиял в лучах заката.
Вот — сигарета. Вот — Модест. Вот — «Ягуар». Проста
так истина — как откровенное желание солдата!

ГОДИВА

Твои голубые глаза
глядят на меня осторожно.
Как я понимаю — нельзя,
но что-то, естественно, можно.

Ты хочешь добиться всего,
а я — совершенно немного.
Не можешь понять одного!
О, как ты проста, недотрога!

О, как ты наивна сейчас!
Ошибочно предполагая,
что взгляд роковой твоих глаз
сразит наповал — как «missile».

Ты смотришь рассеянно вбок,
а я — совершенно невинно —
смотрю на изящную линию ног
красивых в колготочках синих.

Ну, что же? Пошли по домам?
Прощай, моя леди Годива!
И свет безобразных реклам
мерцает во тьме молчаливо.

НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Стою я, как Иван-дурак,
и счастья ожидаю,
но не идёт оно никак.
А почему? Да знаю!

Да потому, что счастье — есть,
но вот не всем хватило.
И точно не хватило мне —
народу много было.

Но не расстраиваюсь я —
чего здесь убиваться!
Живу себе без счастья,
кантуюсь как-то, братцы!

Тоскую всё в своём дворце,
а где ж ещё мне быть-то?
Как ни крути, я — царь-отец,
державы всей правитель!

И цельный день слоняюсь я
без дела и без счастья,
а царская моя семья
уж тут как тут: и — здравьте!

Как надоели мне они —
родня, министров свора!
Ах, счастье милое, приди
кремлёвским коридором!

Ух, накатило бы оно!
Но вдруг раздавит разом?
А так вот вроде ничего —
живой пока, зараза!

ПРИКОСНУТЬСЯ С НЕЖНОСТЬЮ

Я бросаюсь на шейку с жадностью!
Мои пальцы всегда холодные
и сжимаются с беспощадностью —
вурдалаки всегда голодные.

Ты кричи — не кричи: бесполезно всё!
Вырву сердце без всякой жалости!
Выпью кровушку — как же без неё?
Извини уж меня, пожалуйста!

Я готов прикоснуться с нежностью —
всё по-чинному, по-благородному,
но злодейка-судьба неизбежная,
да и пальцы всегда холодные.

ФИОЛЕТОВО

Я «notepad» открыл несмело
и написал: «I love you, girl!»
Потом подумал: «В чём же дело?
Куда позвать её? Осёл!»

Звонить и звать: «Везите пиццу!»
Но это ж дрянь — отравишь зря!
Купить поездку в за границу?
Откажет. Что тогда? Нельзя.

Наврать с три короба! Железно:
на жалость — бить, на милость — брать!
Купить ведро — нет, два! — сирени —
ты ж знаешь, где дадут за «дцать».

Пройтись по парку. Истомиться.
Зайти в кафе. Принять чуть-чуть.
И успокоиться. И влиться
в толпу чернильную — без чувств.

СИЛЬНЫЕ РУКИ

Эти руки — такие сильные
и сжимаются плоскогубцами.
Я подумал: «Такая милая!
Чуть нажал — и от счастья жмурится!»

Я ещё нажал — пусть почувствует
мою силушку богатырскую!
Пережал, видать! Всё. Не дышит. Жуть!
А казалась такую близкою...

ЖЕНЩИНА ВО СНЕ

Снится мне женщина. И очень красивая!
Мне бы поспать — но она так навязчива!
Просто своей красотой изнасиловала,
а мне на работу с утра аж в полпятого!

Всё ничего. Но капризна — как двигатель,
что притащили на склад из Германии.
Вроде и сделано восхитительно,
а тронешь — сломается к чёртовой матери!

Я бы не трогал — но лезет настойчиво!
Вот, говорит, я — краса ненаглядная!
А я — как питания блок обесточенный,
и целовать её — ну никакого желания!

Поговорить бы о Сексте Эмпирике
с грустью, достойной неоплатоников!
Секс, красота — не воздушная лирика,
портят морщинки нежные лобики.

ИЗМЕНЧИВЫЙ ЦВЕТ ВОЛОС САНТЕХНИКА

Смотрела нежно и игриво,
вино тянула в ванне пенной.
А я — я с «разводным» вполсилы
«тянул резину» откровенно.

Но тут резьба сорвалась, видно,
и полетела вся система!
Вода залила пол мгновенно,
а девушка визжала нервно.

Потом я час лежал под ванной
в пыли и в хлопьях ржавой пены
и вылез весь в грязи поганой,
но не блондином, а шатеном.

СТИХОВУХГАЛТЕРИЯ

Вы ошибаетесь, приняв на веру строчки,
написанные женскою рукой.
Скорей всего, она мечтала. Впрочем,
и женщине не чуждо быть такой.

Вы знаете, её баланс не песня —
волчицын вой, взрывающий покой
у тихих обывателей безвестных,
страдающих над рюмкою с тоской.

От жутких звуков, вздрагивая нервно
и жидкость проливая, суетясь,
они ругаются, наверно, скверно,
полёт души затаптывая в грязь.

Весна, листочки, пестики-тычинки,
танцульки-вальсы, всякая фигня —
то признаки весёлого мужчинки,
слагающего песни для себя.

В гробу видали вальсы эти леди.
Сермяга-правда врезана в их глаз:
блокада хлеба и кровавых зрелищ
и грязных денег месячный баланс.

ВЕЧЕР С ДЕВУШКАМИ И ПИЦЦЕЙ

Когда девчонки пьют вино,
то от вина они пьянеют.
Их взгляд, направленный в окно,
скользит лениво и надменно

остановился на цветке
(о, боже мой, какая прелесть!),
и вдруг заметив, что в руке
застряло взявшееся невесть

откуда-то, о-ё, вино!
Ты как здесь оказалось? Странно.
Я вроде выпила его?
На чём остановилась мама?

Ах, да! Потрачен вечерок,
чтоб приготовить эту пиццу.
И разговор, как ручеёк,
по камушкам журча, струится.

ЧТО ШЕПЧЕТ АНГЕЛ

С.Б.

Как вспомню — так вздрогну! Случится же так!
Поддали маленько с друзьями.
Да, в общем, кабак был — не то чтоб кабак,
а так — разливуха в сарае.

И вот, представляете, кажется мне,
что вроде уже не живой я:
душа моя тихо летит в вышине —
прямо как самолёт над землёю.

Ну, думаю, вот и окончился путь
страданий и радостей жизни.
В башке поднимается всякая муть
и бегают глупые мысли.

Куда ж, интересно, теперь попаду?
Неужто в аду моё место?
А собственно, что? Я друзей подожду,
ведь я всегда с ними вместе.

Смотрю — я в раю! Ё-мое! Боже мой!
Вот ангелы в белом явились!
Но ангел вдруг шепчет мне в ухо: «Больной,
снимайте штаны и ложитесь!»

В РЕСТОРАНЕ

На столе — изобилья картинка,
водка гордо белеет, как парус.
Почему мне так грустно, мужчинка?
Неужели я вам здесь не нравлюсь?

Я сегодня рассеяна как-то.
Подойди, дурачок, не кусаюсь!
Где ж моя сизокрылая яхта?
Где же тройка и скорости ярость?

Эх, скромняга ты мой с фотомыльцем!
Всё снимаешь и морщишь свой носик.
А мне ночью такое вот снится!
Если б знал — ты бы сдох! Без вопросов!

ГОЛГОФА

Ты — взошла на Голгофу.
Я — спустился в метро.
По жару лезть на гору?
Почему? И за что?

Ты решила напиться.
По жару. На горе.
Вот с такою девицей
жить приходится мне!

Роковая ошибка —
бездна тяжких долгов!
Бесконечная пытка
ежедневных голгоф!

ХОЗЯИН ЖИЗНИ

Они приехали вдвоём
на серебристом «Ламборгини».
Их ждал огромный жёлтый дом,
стоявший посреди равнины.
Из дверцы выпорхнув легко,
она засемила к дому,
и зад, затянутый в трико,
был сексуально вождленным.

Хозяин вылез не спеша,
вытаскивая тяжесть тела.
Колючий взглядик выдавал,
что это тело вдруг хотело.
Забор сомкнулся, как стена,
вкруг территории гектарной.
Два зверопса взирали на,
храня покой замком амбарным.

И это было всё его,
принадлежащее по праву!
Хозяин жизни — царь и бог,
властитель небольшой державы.
По праву денег был закон,
а правда — далека от права,
и не страдал взаправду он
в том, что ему она не вправе.

Подобострастный персонал
натужено тащил вещички.
Хозяин зорко надзирал.
В лесу нелепо пели птички.
Презрительно поправ закон,
комарики кусали больно,
и сторож стоя спал, как слон,
приняв пол-литра для разгона.

ТУСКЛАЯ ЖИЗНЬ ЗВЕЗДЫ

Водка кажется невкусной,
от икры опять тошнит,
к тёткам — никакого чувства,
раздражает «мерса» вид.

Может, погонять на яхте?
Море — рядом. Плещет — зря.
Но вот солнце —слишком ярко.
Как несчастна жизнь моя!

Звёзды-гады —блещут робко!
Ночью —темень! Что за хрень!
Есть на чемодане кнопка:
вот нажму —враз будет день!

Тускло жизнь моя проходит —
пенсия не за горой!
Что там говорят в народе?
Пусть поют, что я —герой!

ИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ

Вот стать бы известным поэтом
и нежно на томик смотреть,
читая на корочке светлой
изысканных буковок медь.
Детишкам казаться усталым
и мудрым — как змей Чингачгук,
при этом недоумевая,
что книга — для всех лучший друг.
Для этих несносных детишек,
для мам, утомлённых трудом,
для дедов и бабок ворчливых
задуман увесистый том.

Вот стать бы известным поэтом
и взглядом свой томик ласкать,
жене намекая при этом:
«Пора, друг, пора! Наливай!»
Как будто бы с вдохновеньем
лежать на диване в тоске,
смотря в потолок с наслажденьем.
Как нравится всё это мне!
Я — гений! О, что я задумал!
Читатель, мрачней, прочтёт,
и строчки смываются с шумом,
лаская фаянсовый свод.

ЗАШЕЛ В ПОДВОРОТНЮ

Эх, зачем я зашел в подворотню
и ремарки на стенах читал!
Я так много узнал анекдотов,
неприличностей грубый оскал.

Но на серой колонне гранитной
я заметил помады штрихи.
Кто же это? Девица, как видно,
здесь свои сочиняла стихи!

Да, местечко, конечно, не сказка —
не Жанейро, не Рио, не де!
Жаль, «Шанели» случайная ласка
на колонне-то, а не на мне!

НЕУДАЧНОЕ СВИДАНИЕ

Мадам, уже падают листья
в моём пожелтевшем саду.
С призывным разбойничьим свистом
я к вам на свиданье пойду!

Окрасится небо багрянцем,
на шпильях заблещет медь,
а я буду знойно стараться,
как Каа, в глаза вам смотреть.

Всё ближе и ближе, и ближе!
И вот уж добыча близка!
Удар! Как очнулся, что ж вижу:
ни «сотового», ни кошелька!

19 ОКТЯБРЯ

А. П.

Роняет лес багровый свой убор.
Споткнулся Иванов, теряя шапку.
Как не споткнуться — выпил он кагор
и закусил дешёвой шоколадкой.

А как не выпить-то работы опосля?
Тем более что дома катаклизмы:
жена у «ящика» присохла — словно тля,
и дети не дают спокойной жизни.

Куда ж деваться, дядя Иванов?
Ну, вот и всё — заметил участковый!
Опять, собака, впишет в протокол.
И свой убор роняет лес багровый...

БУНТАРЬ

Не ждать ничего от судьбы никудышной.
Забыть о делах, в коридоре стоящих.
Под окнами веточки ветер колышет,
и возится в яме зачуханный сварщик.

Стихи сочинять — очень трудное дело!
Пора отдохнуть в ожидании рифмы.
Попить кофейку? Под окном загудело:
долбают асфальт — сбить пытаются с ритма!

Включу-ка экран: люди вышли на площадь!
И флагами машут! И власти ругают:
«О, как у нас плохо! Народ — голодает!»

Намажу-ка я бутербродик потолще:
«Вперёд, демонстранты! Я мысленно с вами!»
О, сварщик — закончил и вылез из ямы.

СТЕПЕННАЯ МАТРОНА

С.Б.

Небо было бездонно — голубо обалденно!
Выпал снег беломорно и лежал непристойно.
А степенна матрона закурила надменно
и, взглянув на ворону, навела парабеллум.

Та клевала несмело на дороге попкорны.
А могла б догадаться, что такое — патроны!
Пух и перья летели с тела глупой вороны,
и степенно матрона убрала парабеллум.

Подошли каприкорны — непокорны до корня,
предлагая мерло и бордо, и портвейны.
И душа у матроны трепетала под бронью:
«Пропадай же! Попёрло! К чёрту пухи и перья!»

Легкомыслие гордо поднимало бокалы,
стекленело в глазах у матрон и матросов:
«Эй, едрёна-матрёна, отворите порталы!
Поднимите мне веки! И пошел ты, с вопросом!»

Утро в двери вползало — словно крейсер «Аврора».
Постепенно матрона в дом к себе приходила.
Не хватало Байкала загасить перебора,
и врата гастронома ждали внутрь крокодильно.

МОЛЬ

Вы очень красивы.
И очень печальны.
Немного плаксиво
пишу для начала.

Вас — мозг возбуждает,
но я так стандартен:
порода мужская —
без солнечных пятен.

А с первой встречной
я тоже — не буду:
не только у женщин
свои есть причуды.

Да как без капризов?
У женщины вечно
то сверху, то снизу —
их норы изменчив:

то ей — Сальвадора
Дали непременно,
то ей — Командора,
то ей — Гильденстерна.

Я страшно ленив и
не склонен к прогрессу —
так моль дышит пылью
заигранной пьесы.

НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕРОК

На столе стоит винишко.
За столом сидит девица.
Под столом лежит парнишка.
В комнате — наряд полиции.

За стеною в тёмном пледе
мать-старуха убивается.
За дверьми стоят соседи
и по-гадски улыбаются.

Пара понятых понуро,
у дверей скучая, маются.
Капитан устал и хмуро
материт кого-то в рации.

Скорая внизу с моргалкой.
Санитары курят жгучее.
Где-то взвыла вдруг собака,
и луна висит, как чучело.

HAPPY END

Деввица мечтает о вечной любви,
а мальчик мечтает о новой девице.
В итоге случаются дети. Они
достать умудряются, чтоб им удавиться!

«Фонарик» под глазик поставит сынок,
а дочка в пятнадцать притащит внучонка.
Мамаша латает дырявый чулок,
папаша под стелькой заначит «тыщонку».

Прносятся годы, «товарным» гремя,
безвременно даты уносит клоака.
Беременно пухнет в потугах семья,
вливается в Лету струей аммиака.

И лягут, как жили, под сень потолка
в спокойствии сером бесстрастного взгляда.
И невозмутима земля бугорка
с пластмассовой веточкой, воткнутой рядом.

ВАЛЕНТИНКА

Её любовь была как водка,
моя любовь — как «Seven up»:
болела у меня головка,
когда встречал внезапный взгляд.

И от неё меня мутило —
я бегал долго по врачам.
Её любовь была могилой,
раскопанною сгоряча.

Она так часто приходила,
что, ужас, господи прости,
я опустился до дебила —
Иисуса путал с Сан-Суси!

Я слышал голоса в пустыне,
я стал бояться сам себя:
«ad patres» тихо на латыни
в унынии шептал скорбя.

Февраль обвалом «валентинок»
меня смущал и убивал:
от красноты краснел кретином —
так Сильвер чёрных меток ждал!

Но «Seven up» иссяк мгновенно:
ура, я на другой женат!
Её любовь — уколы в вену,
моя любовь — змеиный яд!

ПАРУС

М.Л.

Белеет «Парус». Одинокий,
стою на набережной, маюсь.
В кафе горланят «караоке»
и девушки танцуют «house».

Приятель снова задержался —
жена, видать, как клещ, вцепилась.
Считает всё себя начальством!
Вот, цаца-то, скажи на милость!

Я — не женюсь! Да что я — рыжий?
Я не люблю отчётов склочных:
«Куда опять наладил лыжи?

Ты где, козёл, шатался ночью?»
О, вот дружок идёт — я вижу!
И в «Парус» мы сейчас заскочим!

ПЕСЕНКА ЛЕНИВОГО ПЕНСИОНЕРА

И. Г.

Я бы пил вино и водку,
если б кто-то наливал!
Да любил бы я молодку —
с нею бы на сеновал!

Но вина — не наливают!
А молодка... Я — молчу!
Годы тихо догорают,
и опять с мочой к врачу.

Был бы умный я, как Ленин
(бают, мозг имел — с орех),
я б избавился от лени
и писал бы лучше всех!

Я б, как Пушкин, вечный гений,
обписал бы всё и вся!
Как избавиться от лени?
Поздно, раз за шестьдесят!

Не судьба, видать! Не вышло!
Ну и ладно — не беда!
С белых яблонь дым неслышно
оседает в гладь пруда...

ФЕВРАЛЬ

«Февраль достал!» — заметил классик
и зарыдал над февралём,
а я не стал рыдать напрасно,
размазываясь киселём.

Подумаешь, опять в пролёте!
Как будто это в первый раз:
меня уволили с работы —
начальник подписал приказ.

Слезам не верит мир голодный!
И, увольняясь в каждый раз,
я безобразно безработный
весь в увольнениях погряз.

Грачи галдят на ветках глупо,
и март под окнами стоит,
но даже в марте я не буду
рыдать над февралём навзрыд.

Все ляжем во сырую землю,
кто — просто так, а кто — убит,
но я, банальному не внемля,
не верю в случай, как пиит.

ПОЭТЭССЕКА

Пошла поэтесса к поэту
стихи почитать с наслаждением.
Купила в киоске себе сигареты,
поэту — пивка для похмелья.

Пришла и читала с надрывом,
в истоме слезой исходила:
эротика с мистикой в ужасе были,
любви наблюдая могилу.

Поэт догонял на диване,
расслабленный утренним пивом.
«Послушай,— сказал он,— сейчас почитаю,
что ночью наворотил я!»

И с пафосом, как Маяковский,
выстреливал строфы «Авророй»,
и громы гремели под рифмою хлесткой,
к свободе зовя непокорной.

«О, да! — поэтесса всплакнула.—
Как мир удивительно гадок!
Крестьян очень жалко! А дети в аулах?
Они не едят шоколадок?»

Пошла поэтесса до дому:
«Вот жуть, что творится! Теракты!
Но я опишу это всё по-другому
и девочкам кину в контакты!»

Поэт отдышался от крика,
представив вдруг женские ноги...
И лирика страсти в невежестве диком
мгновенно возникла на блоге!

МУЗЫКА КРЫШ

С.Б.

Бывает, девушка скучает,
и, выпив, хочет закусить,
и, звукам музыки внимая,
дымок колечками пустить.
Маэстро заиграет томно
какой-нибудь протяжный блюз,
в душе вздымая буреломы
и стряхивая нервный груз.

Невдалеке брюнет с востока —
шехерезадный звездочёт
с вишневым глазиком порока
ласкает взглядом сладкий плод.
А по соседству пожелтелый,
как одинокий старый клён,
чувак за рюмкою портвейна
в экране зрит армагеддон.

— Вы не читали Мопассана?
— И что же пишет Мопассан?
— Всё про любовь и рестораны.
— Тогда налей чего в стакан!
И, звукам музыки внимая,
несётся вдаль души печаль,
и крыша протекла сарая,
залив слезами весь рояль.

ДЕТСКИЙ САДИК

Т.Л.

Девчонки, не ходите в детский садик!
Проблем потом — о-ё! Не оберёшься!
И школы, институты — на фиг надо:
чем дальше в лес — тем дров ломаешь больше!

Работа, унижающая личность.
Замужество хомутное с вожжами...
Зачем девчонки любят непрактично
и стонут стеллажи под типажами?

Иван-царевич оказался волком
и покатился коlobком под горку!
Нашлись Кощей и Змей! И с чем-то горьким
вперёд и с песней полетела тройка!

Я больше в детский садик ни ногою —
там только портят детство золотое!
С Карениной и с Бабою-ягою —
на рельсы вместе... Где ж наш поезд скорый?

НИКОТИН И АЛКОГОЛЬ

Мои два друга — Никотин и Алкоголь.
О, сколько с ними прожито! О, сколько!
Пусть Алкоголь немножко дорогой,
а Никотин — вонючий, как помойка.

Зато мне с ними очень хорошо —
как со старинными друзьями детства.
Даст Алкоголь расслабиться душой,
а Никотин — мечту навеет в сердце.

Идешь потом, немножечко бухой,
перебирая ослабевшими ногами.
Друг Алкоголь затянет про любовь,
друг Никотин — тихонько подпевает.

Пусть незатейливый мотивчик, но смешной —
и станет легче с песенкой дурацкой!
Мне Алкоголь отмоев в сердце боль,
а Никотин — согреет душу сказкой.

Мы странно встретились, и нам не разойтись —
и только смерть разрушит нашу дружбу!
Я закурю, дружище Никотин!
И Алкоголь — не уходи, ты будешь нужен!

МАТЕМАТИКА

Она лежит на оси абсцисс,
собой любясь, вообще — нарцисс.
А я стою на оси ординат
в прямолинейной сетке координат.

Её ордината равна нулю —
и ей всё равно, как я там стою.
И мне всё равно, как она лежит —
моих абсцисс параллелен вид.

Функционально она права:
горизонталь — покой, ей всё — трын-трава.
Неординарна в мщении вертикаль —
ломает шею её скрижаль.

Кардиограмма полезла вниз
ортогонально оси абсцисс.
Но я решителен, как кардинал Ришелье,
хоть кардинально не катит мне.

Абсцисс абсцесс и в рот мне — орт!
И циркуль — в глаз под рёв аорт!
Прощай, гипноз гипотенуз!
Жми в Аксиомск, пиковый туз!

ПЛЮС И МИНУС

М. Ш.

Кому — яндекс, а кому-то — индекс!
А я песни пою про полюс —
у меня слишком хриплый голос.
Это — плюс, но, возможно, минус.

Ты воткнулась с разбегу в глобус.
Не просила — но я подвинусь,
мне не трудно — ведь не троллейбус.
Это — плюс, но, возможно, минус.

Как стрела мой летящий логос!
Кто укажет мне путь на Наксос?
Ариадново соло — моно.
Это — плюс, но, возможно, минус.

Даже если порвали парус
и по пьянке сожрали фикус,
я смеюсь, наливая гадость!
Это — плюс, но возможно, минус.

Накось выкусь свой сикось-накось,
выбрось к чёрту рыдания трусов:
крепость — пала, но где же радость?
Это — минус для тех, кто в плюсе!

НЕУДАЧНЫЕ ПОХОРОНЫ

Я на своих похоронах
лежу в оранжевых штанах.

Лежу, ногами дрыгаю —
носки надели тесные.
Обложенный гвоздиками!
На самом видном месте!

При галстукe! В костюмчике!
Ну просто — заглядение!
Кто скажет — место скучное?
Отлично! Более-менее!

Выкушивают водочку,
пьют за меня — Серёжечку!

Народу собралось — аншлаг!
Прям, как на матч «Зенит» — «Спартак»!

И столик — весь заряженный
бухлом, жратвою вкусненькой:
«Закапывай! Пора уже!
Что загрустил, Сергусенька?»

Хотел я поднатужиться,
слезу отжать последнюю —
образовалась лужица.
Не там! Вот невезение...

По ходу спорчены штаны!
В гробу видал похороны!

ФЕМИНИСТКА

Заряжу пистолеты. Позову оппонентов.
Ну? Какие проблемы, ребятишки, у вас?
Есть прекрасная тема — о текущем моменте!
Потекло моментально из-под вас, но не квас!

Вы хотите поспорить? Вы хотите подраться?
Вы хотите надраться? Накуриться травы?
Килотонну патронов — я всажу прямо в яйца,
мегалитры аш-фтора — вылью в ваши штаны!

Есть прекрасное тело, но оно — депонентно,
выдается клиенту под высокий процент.
Через прорезь прицела вижу вас стопроцентно —
вам пора расплатиться, дорогой оппонент!

Разложите по сумочкам — время, место, делишки.
Ссыпьте в горсть мелочишку — как мальчишка в кафе!
Вы слегка побледнели, дядя в узких штанишках,
стопудово придётся принадлеать галифе!

Я спокойна — как трактор, но опасен реактор
Айседоры Дункан с Франсуазой Саган!
По контракту женатый, наслаждайтесь антрактом —
разнесёт вашу крышу артналёт-ураган!

УЗБЕГСТВО

Женюсь-ка сам я на себе
назло всем лесбиянкам, геям!
Когда с ума сойду совсем —
возьму и запишусь в евреи.

Обрежу — знаете, о чём? —
по самое — как говорится,
и этим буду я причём
отолераненно гордиться!

Усыновлю. Удочерю.
Лапши навешаю на уши.
Отождествлю свою семью
с полётом в космос. Или лучше —

я в мусульмане запишусь!
Я отберу хлеб от узбеков,
таджикески сгребая грусть
по улицам страны советской.

И в результате — краснофлаг,
болотен — непереносимо,
найду себе хороший танк,
чтоб под него лечь херосимно!

О, я убил в себе раба,
моя свобода — безгранична!
Исламобад, тебе Арбат!
Давай, акбар, стакан «Столичной»!

Я ЛЮБЛЮ ТОЛЬКО ДЕНЬГИ!

Я люблю только деньги!
Я люблю только деньги!
Я люблю только деньги!
Только деньги — люблю!

Я плюю на эстетов,
на голодных поэтов,
на бандюг при кастетах,
и на тёлок красивых —
беспардонно плюю!

Я любого поэта
и эстета с букетом,
и бандюгу с кастетом,
и красивую тёлку —
если надо — куплю!

В мозге — чип-калькулятор,
драйвер и информатор,
бизнес-трактор-реактор
авантюр, сфер, химер.
Экзекуции мастер —
валидую кадастр
и валюту вливаю
сквозь откатов барьер.

Монстр риска и сыска,
исков, происков, писков,
и жестока прописка
угрожающих мер!
В цепком взгляде змеится
восхищенье столицы
и несчастные лица
в слове «миллиардер».

Миллиарды — мне пища
для разбега по крыше —
только выше и выше!
Выше всех Кордильер!
Мистер Твистер, ты — нищий!
Я б купил три Парижа,
но размаха не вижу,
как аукционер!

Я люблю только деньги!
Я люблю только деньги!
Я люблю только деньги!
Только деньги — люблю!

Я — гроза президентов,
королей-импотентов,
инцидент в документах
и резня резидентов —
и на этом стою!

Я люблю только деньги!
Я люблю только деньги!
Я люблю только деньги!
И за деньги любого —
если надо — убью!

НОМЕРОЧЕК

Ю.А.

Я справлю бумаги. С авиабилетом
поеду ко всем чертям —
хоть в Аахен, в Гаагу, да хоть на край света —
я душу за рубль продам.

Залезу там в номер! О, чтоб я там помер!
И буду смотреть в окно!
Надёжная клетка решёточки твёрдой
меня защищает. Но

в чём же отличие жизни аахенной
от питерской жизни простой?
Да «топеу» я трачу в Германии с манией,
заманенный в тёплый покой.

Пусть дождик полощет цветочки, листочки
и плиточек серый застой,
сiju за решёткой в своём номерочке
и радуюсь жизни такой!

ИКАРУС

Квинтэссенция страсти разрывалась на части:
то она — Дездемона, то она — Мата Хари!
Ей хотелось на троне, а потом на диване,
а потом на матрасе и ещё на рояле —
только секса и счастья, обладания, власти
над измученной плотью, угорая в кошмаре!

Голым мелом на тело мне легла Галатея!
Словно скромная дева на свидании первом,
я слегка каменею где-то очень интимно.
Я психую, Психея! В клеопатровом клее
митинг геев-евреев на лугу моржевеет,
эрогенные зоны лаская невинно.

Вот уж детская радость мне, как Клео, досталась:
памперс нежно белеет — одиноко — как парус.
Что с тобою поделать? Ты хоть так, ты хоть эдак!
Вызываю «Икарус». Но приходит троллейбус
в пятый угол под плинтус, узкоглаз, словно палтус:
«Дай столыпинский галстук — затянусь напоследок!»

КЪЯНТИ

Ю.А.

Смотря на гладь в пурпуровом закате,
сидели вы на берегу пруда,
расслабленно в шезлонге с дивным «Кьянти»,
цедя по капельке напиток иногда.

Неповторимый итальянский запах
скользил, как дым над тёмною водой,
а ветерок, как в лигурийских Альпах,
беспечно навевал отраду и покой.

Сидели, отдыхали и смотрели —
на гладь, естественно, куда ж ещё смотреть?
Не знали вы, что под кустом, у ели,
три алкаша лежали, мёртвые на треть.

Но вдруг поднялись, как по шучьему веленью,
как броневой ударный батальон,
вздохнули огорчённо, с сожаленьем:
«Такая девушка! А пьёт — одеколон!»

КОЗОНОВО

Болтался до темноты,
хоть знал, что она — одна.
Купил для неё цветы.
Вдобавок ещё вина.

Решил позвонить. Зашёл.
С улыбочкой до ушей.
Как глупо шутил! Осёл!
Профессор прокисших щей!

Так быстро разлил вино —
что трудно не устоять.
В окошке — темным-темно,
и тут же нашлась кровать.

С утра — безобразно, но
не всё так плохо, поверь!
Она не мигая смотрела в окно,
а я — осторожно — на дверь.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ В РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ

М.К.

Рабочее время. Приятно отвлечься.
Ты хочешь поэзии, милая детка?
А может быть — кофе? А может — покрепче?
Бутылочку водки? Зажечь сигаретку?

Рванём с ветерком по проспектам, бульварам?
Обтянутся выступы тела под платьем.
Потянутся руки к ключам от амбаров.
О, взломщик коварный! Сплошное проклятье!

Слегка отдышались. В глаза посмотрели.
Ну что? Перекурим? — Кури, поскорее!
Пора по домам! — Заходи на неделе!
Приятно отвлечься в рабочее время!

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ЭТАЖ

Ты ушла к бизнесмену.
Апартаменты — супер! Двадцать девятый этаж!
А я представил тебя перед ним на коленях
и как ты ему офигительно дашь!

Он, наверно, неплохой малый,
и я не испытываю к нему отвращения.
Мне не то чтобы очень грустно стало,
но возникло какое-то странное ощущение.

Собственно, в чём дело?
Женские чувства, паря, это тебе не фунт изюму —
сложная вещь!
Тем более что при таком феноменально
восхитительном теле
стоит ли биться насмерть, отстаивая рубеж?

Да, но как же эта любовь?
Всё же возможно, что она была где-то?
Полагаю, что в каждой жизни есть свой
провинциальный Тамбов
и незабываемо жаркое лето.

Я курю помаленьку, стряхивая пепел в канал.
Смотрю на воду, текущую вяло, лениво.
Глупо, конечно, и всё-таки я много бы дал,
чтобы ещё — хоть на капельку — но побыть любимым.

ПРАЗДНИК МОРОЖЕНОГО НА ДВОРЦОВОЙ

Представьте тридцать градусов жары.
Дворцовая раскалена — как Калахари.
Представьте восемь или девять тысяч рыл,
шныряющих туда-сюда, как на базаре.

Все в раже — что-то лижут и сосут.
О, как их радость отмороженно прекрасна!
Сегодня праздник отмечает хладпродукт,
растаявший в утробах тёплых не напрасно!

Я за колонною стою в теньке,
курю и порчу атмосферу едким дымом.
Мороженое я практически не ем,
предпочитая нефильтованное пиво.

Но пива нет! И потому печаль
моя светла, подобно жидкости невзрачного оттенка.
И лёгкой грусти соответствует моча —
великих праздников достойная отметка!

ПЛЕБИСЦИТ

А.Д.

Корпорация плебеев без участия патрициев
плебисцит себе устроила — вот гражданская позиция!
Вот оно, народовластие-садомазоуправление!
Люди светятся от счастья и свободоизъявления!

«Птичку» ставя в бланке бежевом,
веря и надеясь радостно,
есть мы станем лучше прежнего,
пить мы будем с меньшим градусом!

Разведённые плебеи под шатром фантасмагории,
как фламинго, водят шеями и покачивают бёдрами.
Жаль, азарт петлём затянется — квакнуть не успеешь,
деточка,
как придут к тебе начальнички и заставят встать
у стеночки.

Но пока другие клеточки
бланков разграфляют улочки...
Деточка, а может, водочки?
По сто семьдесят граммулечек?

НА СМЕРТЬ ПОПУГАЯ

О.П.

Если умер попугай —
не страдай о птичке шустрой!
Попугаю светит рай
золочёной яркой люстрой.

Почему же помер он?
Водочки не пил как будто,
не курил, не ел как слон,
не шарахался беспутно.

Пил — водичку. Ел — зерно
(или птичье всяко-разно).
Слово, может, знал одно —
и твердил его напрасно.

Секса он не знал совсем,
счастлив в том — неимоверно!
В общем, никаких проблем:
жизнь — фантастика Жюль Верна!

Правда, я бы тоже сдох
от такой «счастливой» жизни —
видно, рано мне, и Бог
не желает горькой тризны.

Что же делать? Будем — жить!
Пусть — в аду, что хуже рая!
Не забудь сто грамм налить,
и — помянем попугая.

ЗАЧЕМ ТЫ МУЧАЕШЬ МЕНЯ?

Зачем ты мучаешь меня и подливаешь в рюмку водку?
Ты ж знаешь — я её не пью, ты ж знаешь — мне её нельзя!
Ты обнимаешь, как змея, и прижимаешься головкой,
напоминая мать твою: она — такая же змея!

Я знаю, что, когда напьюсь, меня потащишь ты на
Ваську,
к себе в квартирку на шестом — последнем самом этаже,
и коммунальный твой уют пробьёт мою стальную каску,
когда придёшь ко мне потом отдаться в белом неглиже.

Я буду груб, но буду слаб — сопротивляться нету силы,
и утром грязно на душе и омерзительно во рту.
Я побреду по мостовой, и мир покажется могилой,
в которой я ещё живой, но обязательно умру.

ТЕНИ НА КЛАДБИЩЕ

А. Ш.

Осенних кладбищ смутный сумрак,
кресты заброшенных могил
меня манили ранним утром,
когда я, выпив, закурил.

Протяжный резкий скрип калитки.
Я сделал несколько шагов,
хлебнув маленько из бутылки —
для смелости разбавить кровь.

Мелькнула тень вдали аллеи,
сходящейся в тревожной тьме.
Она звала к заветной цели,
подобно стонам Малларме.

Вороны каркали надсадно.
За тенью я, как тень, скользил.
Но тень исчезла за оградой
у свежевырытых могил.

Я поспешил туда. О, боже:
из-под земли — торчит рука!
Потом вдруг показались рожи,
и вылезли два мужика.

О, блин! Могильная команда!
А я чуть не сошёл с ума!
Они сказали: «Выпить надо!»
«Агдам» отдал я задарма...

ГЕНЕЗИС

Женщина хочет быть невыносимо красивой,
чтобы, как тормоз, останавливать взгляд
какого-нибудь одинокого и свободного мужчины,
который должен быть непременно богат.

Поэтому мужчина хочет быть невыносимо богатым,
чтобы добиться признания неизлечимого
женщины, спешащей, как поезд, куда-то,
и которая должна быть непременно красивой.

Неожиданно: раз — и встретились два желания,
две противоположности — неистребимо разные,
к радости обоюдоострой, как лезвие из Германии,
способное быстро отрезать лишнее и заразное.

Но красота облетает, и кончаются деньги.
Что выпадает в осадок нерастворимый?
Мужчина, вздыхая, смотрит на другие коленки,
а женщина мечтает о другом богатом мужчине!

ГРИПП

Ю.А.

Лечите гриппер по весне —
он популярен в группе риска.
Заболевают не во сне,
но проходя довольно близко,

касаясь как бы невзначай,
нашептывая что-то где-то.
Заваривай покрепче чай
и выбрось к чёрту сигареты!

Забудь про красное вино
и танцев полуночных гики!
Лежи себе, гляди в окно,
пей молоко, читая книги.

И, залезая в свой «контакт»,
не забывай о риске связи —
хотя не тот, конечно, акт,
но вирусов и там как грязи!

ПОКУРИТЬ ДА ПОДЫШАТЬ

В час, когда спускается ночная птица-грусть
и фонарик жёлтый тускло светит во дворе,
ты, прохожий, проходи, не парься, и меня не трусь —
я оставил чёрный шпалер под подушкой в кобуре.

Не волнуйся — я не трону, не оскалю нож,
чтоб отнять за грош несчастный бедственную жизнь.
Понимаю — я ж не урка, чтобы лёхе ни за что —
взять и крантик с кислородом моментально перекрыть.

Ты ж не едешь по бродвею в белом «бээмвэ»,
сбоку не шуршит барёшка норковой лахой,
и бугай не пучеглазит накрахмаленным ловэ,
что кроваво заработано мозолистой рукой.

Вышел на минутку — покурить да подышать.
Воздух мокрый — значит, можно ноги промочить,
и луна следит, как мать, и мне свободы не видать,
и опять на север дальний назначенье получить.

ДА?

А.Р.

Смотрю налево: такая дева!
Смотрю направо: ещё отравя!
Я — наблюдатель. Я — наблюдаю.
Приговорили меня по праву:
был неводержан с паденьем нравов.

Кручусь, как глобус: глаза — на полюс,
в душе — твой образ, под крышей — хаос.
Я — наблюдатель. Я — наблюдаю.
Я не расстроюсь, когда мне в плоскость
влетит автобус и два трамвая.

Нахаракирен — как самураи,
что характерно для австралийца.
Я — наблюдатель. Я — наблюдаю,
как ваши лица, самоубийцы,
катана в «пазлы» разъединяет.

Из хэппи пёздей в ту ю — налево,
по «ступедсотов» в «ютуб» — направо.
Я — наблюдатель. Я — наблюдаю.
Я — королева, но в браке — дева,
я — ребус в сексе, о том не зная.

Брутален Даллес, попав на Лесбос,
отрезал пенис, упал и — аллес!
Я — сдубадытел. Я — вамсблеваю.
Каннабис в анус на бис за «лексус»
в барак с Обамой летит легаво...

КОНЦЕРТНОЕ

Д. Т.

Ходишь трезвый, как огурчик,
и печальный, как вдова,
по концертным скучным кучам,
штабелёванным дровам:

менестрель с гитарным звоном
блеет трели о любви,
старичок под Льва Толстого,
гусли мучая, скулит,

некто, впрямь патриотичный,
с ратью слов зовёт за Русь...
Я, отчаявшись на киче,
думаю: «Сейчас напьюсь!»

Эх, тоска интеллигента —
горечь желчная во рту!
Без специального фермента
жить совсем не вмоготу.

Если б не было вас рядом
с взглядом, радующим взгляд,
вместо кофе выпил б яду
и дал дуба, как Сократ.

ПЛОСКОСТЬ

К. Л.

Вероятно, писал только гадости,
прикрывался, как в бане, лишь пошлостью.
Мозг мутил крабовидной туманностью.
Доставал из штанин по оплошности.

С исключительной оперативностью
вы меня раскатали по плоскости;
из-под танка пытался я вылезти,
зашахтёранный до невозможности.

Вы прошлись утюгом мне по складочкам
с ядовитой счастливой улыбочкой
и сказали: «Катитесь вы, дядечка,
как колбасочка с маленькой скидочкой!»

ПРЕССНОЕ

Он бегал, высунув язык,
как гончая, не зная причины,
зачем она бежит,
при этом не переставая нюхать воздух —
как будто воздух нёс волшебный смысл,
оправдывающий терпеливый поиск.

Но воздух — ветренное существо,
и не держал в себе, как почва, смутный запах,
поэтому настырное стремление его
не обеспечивалось пойманною дичью в цепких лапах.

А глаз горел огнём — пронзая всех насквозь,
пытаясь, видимо, разоблачить
и вывести всю грязь в очищенные стоки,
но упирался в стену, словно гвоздь,
не в силах сходу прошибить
гранит бесстрастно наблюдающей эпохи.

МЕБЕЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Стул оттопырил спинку, как мизинец.
Стол враскорячку встал в седьмую позу.
Кровать стонала, изливаясь Фукусимой:
«Вы — деревяшки из провинции колхозной!

Вы незнакомы с радостью любовной!
Вы сделаны для зада и для хлеба!
А я — всю жизнь с Капитолиною Петровной,
и с ней делила восхитительных эфебов!»

«О, да! — заметил стул, расставив ножки.—
Мы слышали, как ты тогда скрипела,
и как потом неслась с мигалкой неотложка,
чтоб отспазмировать два склеившихся тела!»

«Да перестаньте ссориться, в натуре! —
вступился стол, накал страстей смягчая.—
Мы — элементы, может, разных гарнитуров,
но в нас одна труха и сделана в Китае.

Капитолина — баба неплохая!
Но в жизни личной — не везёт. Бывает.
А что бухает часто, так я полагаю,
где ж мужика найти ей в этом гадском крае?»

Все замолчали, думая тоскливо
о том, что нет на свете никакого счастья
для дорогой им всем Капитолины,
простой вахтёрши из десятой медсанчасти.

НОЧНОЙ КЛУБ «МОРЕ»

А.Р.

В «Море» — впечатлений море! Все нажрались, будто
с горя.

Все курили и шныряли бестолковой толпой.
В темноте, застывши сфинксом, по-бульдोजи в сцену
впился
немигая, прокурором, неподвижных тёток строй.

А на сцене — крики, пляски, дым столбом, как над
Дамаском,
и лупил по барабанам дед с седой бородой!
Кто-то прыгал у эстрады, кто-то плакал от досады,
непотребству предавался кто-то с женщиной одной.

Познакомился с феминой. Стали говорить про «каверн».
Прибежал мужик с гитарой и плешивой головой.
Стал кричать, что муж фемины, я расстроился несильно
и решил ретироваться: был не повод рваться в бой.

Девка с грандиозным бюстом водку пила слишком
шустро.

Предложил — не отказалась, накатили по одной.
К сожаленью, оказалась девка — шлюхой! Вот так
жалость
губит человека с сердцем и с законною женой.

Не расстроившись ни капли, бледный, словно
Чарли Чаплин,
вспомнил Блока, незнакомку: «Боже, где она, любовь?»
Взял, купил бесплатный кофе, сожалея катастрофе
в личной и семейной жизни, и пошёл к себе домой.

БАРМЕНША

Е. С.

Я полюбил одну студентку.
Она немного барменила.
Мы виделись довольно редко,
но взгляд светлел от взгляда дивы.

В два раза больше наливала
за те же деньги, что другому.
Я пью вообще-то очень мало,
но не отказываюсь много.

Я понимал, и краем глаза
я видел, что она жалеет,
но не водяры же, заразы,
меня — болвана-дуралея.

Не знаю, что она решила —
я в женщинах не разбираюсь,
но, полагаю, божья милость
меня коснулась, но на малость.

Она меня бы полюбила,
но, думаю, потом разлюбит,
а я — я не могу вполсилы...
Налейте рюмку водки, люди!

РЫБАЛКА

Е. К.

Рыбки ходят по аллеям.
Рыболов лицом алеет:
рыбку не поймать ему
на дрожащую блесну.

Вот ползёт улитка тихо.
Презабавная чувиха!
Рыболов раскинул сеть:
сеть — вся в дырках, твою медь!

Полицейский дядька-сом
вылез из кустов. Облом!
«Что? Не ловится никак?
Документики, рыбак!»

ВИСЕЛЬЕ

Э.Б.

Висит весёлый человек
на виселице весело.
Он мог бы кушать чебурек,
грустя под песни лепсовы.

Тянул бы водочку слегка,
по капельке за капелькой,
и плавно б двигалась рука
за рюмочкой за маленькой.

А мог бы тосковать о ней,
в том никому не жалуясь.
Был слишком грустным, дуралей,
и это ей не нравилось.

Печаль за ним шла, словно тень,
сжимая губы нервные,
и он, видать, сроднился с ней,
привык — как к другу верному.

Да что весёлого у нас,
мой друг, скажи мне попросту?
Как остановишь трезвый глаз,
так мозг пропадут борозды...

Он оглядел житьё-бытьё
под Лепса и под водочку —
всё завязал тугим узлом,
весёлою верёвочкой.

Он был весёлый человек —
свёл счёты с жизнью весело.
Где ж виселиц нам взять для всех,
чтоб весело повеситься?

КНИГОВЕРТЕПЬЕ

А.З.

Как тихим вечером или с утра скучает женщина!
Не сериалы же смотреть по вечерам или с утра?
Тем более когда она — интеллигентщина!
Случается, представьте, говорят профессора.

И что же делает она, проснувшись в утро раннее?
Да очень просто: с полки книжечку достанет —
и в постель!

И там расслабится, вникая в содержание,
под кофеёк с конфеточкою, как Эммануэль.

Так хочется весёлой безрассудной поножовщины!
Такая скука эта наша жизнь, а там — светлеет взгляд!
Под шепоток страничек в шутках доморощенных
легко заснёшь, и вечных снов так сладок горький яд.

РАССТРОЙСТВО ПО-ЖЕНСКИ

Л. М.

Нас стало трое я: я, я и тоже я.
И было б грех, чтоб не воспользоваться этим!
Сообразили быстро. Я — взяла коньяк.
А я другое — расстелило ровненько газету.

Налили. Помолчали. Перед тем.
Употребили. Закусили шоколадкой.
Так стало хорошо безумно всем!
Мы чувствовали все себя в порядке.

Но третье я вдруг вспомнила его!
А две других, видать, приревновали.
И началось! Ругались все втроём!
Потом подрались, помирились и поцеловались.

Те, две другие я, пошли по мужикам.
А я пошла домой. Одна. Как и в начале.
Немного на троих: пол-литра коньяка,
один мужик... О, боже, утоли мои печали!

МУЖИК

Будь мужиком! Руби «бабло»!
Иди уверенно и смело,
и покори любое тело,
в котором есть отверстий дно.

Интеллигент — тщедушен, слаб,
его душа интересуется.
А что душа? Фигня без фуя!
Что в ней для этого осла?

Он надоедлив — как репей!
В его мозгах — такая каша!
Я б всех их засадил в парашу
до окончания их дней!

Люби меня: я — всё могу!
Меня ничто не остановит!
И нет приятней сгустков крови,
прилипших грязью к сапогу.

ИЗБЫВШИЕСЯ

Как бывший муж, он покупает торт
на день рождение моё и сам приходит в гости.
Сижу, смотрю, как торт уходит в рот —
такой хороший рот. Большой. Боюсь, что он попросит

чего ещё поесть или попить
и подметёт запасы продовольственные к чёрту.
Что делать? Взять его — и удавить?
Как бывшая жена, его я не ревную к торту.

Стою как дура. Жду. О, господи!
Когда же бывший наконец напьётся и наестся?
И, собственно, зачем он приходил?
Один живот, что ест и пьёт. И никакого сердца!

НЕ СУЖДЕНО

Л. М.

Боюсь, что мне не суждено
дожить до радостей маразма,
пока вздыхаю об оргазме
ну хоть с какой-нибудь одной.

Я приключений не ищу.
Зачем? Они приходят сами
толпой и топчут сапогами,
а я потом тащусь к врачу.

А врач-то — женщина! И ей,
и мне приятно с медициной,
и есть диван с мечтой пружинной
в безумии бессмертных дней.

БЕСПИЛОТНИЦА

Она так в классики торопится,
что всё теряет, к сожалению.
Но не откроется в песочнице,
хоть ройся до изнеможения.

Земли нарыто наовраженной,
и горы высятся немалые,
чтоб предоставить на продажу, но
потребы нет в песке наваленном.

Ищи до умопомрачения,
мелея в мелодекламациях,
и содрогнётся Бах от чтения,
опошленного профанацией!

Стихопобедная по бедности
ума и недоразумения
витийствует над нашей местностью,
жаль — беспилотно-бесполезная.

ЕКАТЕРИНА И МАРГАРИТА

Э.Б.

Когда с работы иду до дому,
всегда встречаю друзей-знакомых,
и хоть до дома мой путь недалёкий,
но вся округа мне наливает!

Моя мамаша давно в могиле.
Папаша с тёткой живёт в Маниле.
Зовёт и манит в свою Манилу,
шлёт пальмы, море мне в «личку» с «мылом».

Екатерина и Маргарита!
Во мне всё лучшее напрочь убито!
Во мне осталось лишь самое худшее,
но, может быть, это — самое лучшее!

Живу без денег, живу без девок!
Я на отшибе, в углу — как веник.
Зарплату кинут — пропью мгновенно,
но не считаю, что это скверно.

Я в море водки нырну, как в омут.
Такие парни, как я, не тонут.
Нигде нет хуже таких уродов,
но только водка даёт свободу!

Никто не встретит и не приветит!
Хоть прямо в петлю — уж мне поверьте!
Страна дурная — и жизнь дурная,
другой страны я такой не знаю.

Екатерина и Маргарита!
Во мне всё лучшее напрочь убито!
Во мне осталось лишь самое худшее,
но, может быть, это —самое лучшее?

ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

Он так мне нравится! Он мне так нравится!
Что я б повесилась — так он мне нравится!

Но не повесилась — другого встретила.
Немного страшненький. Ещё и пьяница.

Он мне не нравится! Нигде не нравится!
Зато как с ним иду, так я — красавица!

И все глядят на нас — ему завидуют:
Такое чудище, а девка — видная!

И он гордится мной, моё чудовище!
Приятно быть женой — его сокровищем!

СКУКА

Л. М.

Она скучала. Ей хотелось есть салат.
Ей, вероятно, не хватало витаминов.
А белый шкаф притягивал магнитом взгляд,
скользящий мимо.

Она скучала. Ей хотелось бы вина,
но, к сожаленью, не было вина в буфете.
А мысль о нём была! Хотя запрещена.
Поскольку — дети.

Она скучала. Ей хотелось почудить,
раздеться догола и полететь на горку,
стать во главе полка безруких афродит,
взирая зорко.

А ночь давила на усталые глаза,
и монитор сиял витриной магазина...
О, как хотелось бы, чтоб где-то бог послал
ей... хоть грузина!

ПЛОТСКОЕ

Плоть вечно требует любви.
Ну, а душа — мечты, покоя.
И, собственно, как с этим жить?
И мозг выносит паранойя!

Как хочется прижаться так,
чтобы обмякло сразу тело,
почувствовать внезапный мрак
в руках ласкающих умело

тебя; на пять минут забыв
необходимости приличье,
накатывая в кровь прилив
ударов сердца слишком личных...

Но не надейся, милый друг!
И здесь проснувшийся рассудок
мгновенно замыкает круг,
как парашют, вспорхнувших юбок.

Рот — на замок, на крюк — ключи,
дверь заперта на все засовы.
О, есть достаточно причин,
чтобы поверить мне на слово!

ЖЕЛАТЕЛЬНО!

В такую погоду желательно пить вместе.
Собственно, алкоголизм —
порождение жуткого одиночества.
Соберитесь хотя бы вдвоём. Налейте хотя бы грамм
по двести.
Отрекитесь минут на сто от дурацкого стихотворчества.

В такую погоду желательно пить больше.
Поскольку состояние сырости
уменьшает другая жидкость
и наблюдение того, как краснеет слегка кожа
в отдельных местах, где она, возможно, теряет
мягкость и гибкость.

В такую погоду желательно пить чаще.
Чаще, чем предполагается воспитанием
и образованием.
Это — мифы руководящей нами дурацкой части,
придуманной нравственными уродами для вашего
оболванивания.

В такую погоду желательно пить смело.
Громко кричать «ах, горько!»,
не ведя счёта в затянувшемся поцелуе.
Украшать девушек устрашающей веткой омелы,
но в опохмеле
укрощать буйность зверя, ни к кому никого не ревнуя.

ОСКОЛОЧНОЕ

К.Л.

Все платья бальные залил коктейлями,
звения гитарами виолончельными.

Наглея взорами, впиваясь жалами,
желал неврозово, кроваво-алово!

Непобеждённая и беспобедная,
необнажённая и небезвредная,

сгораю заживо за крошку хлебную,
как тварь продажная и непотребная.

Но где же сокол? Где? Мне нет известия.
Загаждена в огне, стихийно бедствую.

Разбито вдребезги в осколки зеркало,
и ярость дерзкую направить не в кого!

ТОЛЕРАНТНАЯ СЕКС-СКАЗКА

А.К.

На курочку Рябу «запал» Теремок —
братушка Кремля приклатнённый.
Споил быстро курицу и уволок
в кусты для утешения любовной.

И вот в результате: на курьих ногах
избушка возникла в лесочке.
В неё прописалась старуха Яга,
жилплощадь заняв между прочим.

Племянник её — царь Кощей — не скучал:
пел рыбке златой нежно в ушко.
И вот в результате: обычный скандал —
у рыбки — царевна-лягушка!

Жар-птица в огне: Чудо-Юдо жжёт взгляд —
и спарились дуры в экстазе.
И вот результат: Змей Горыныч — мутант,
трёхглав и на вид безобразен!

Смотрел Колобок на такой беспредел
безнравственный, но толерантный!
И вот в результате: опух, облысел,
и сам покатился к разврату!

ЗАКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Как хорошо в моих гробах —
никто не тронет!
Там никому не ведом страх
айфоностонный.

Там червячки во мне живут
тепло и дружно.
Не призывает рабский труд
идти на службу.

Семья приходит иногда,
стоит тихонько.
Как вы визжали, господа,
при жизни бойко!

Теперь набрали в рот воды?
Молчите, звери?
Я — далеко. Мне — до звезды.
Закрыты двери.

БЕСПОДОБНОЕ

А.З.

Подобие того, что может бесподобно
заставить трепетать невзрачную плоть,
и кожу проколоть, и занести микробы,
и заразить навек, не приведи господь!

Тогда в речной воде у сельских огородов
увидишь плавники, услышишь рёв китов,
но вряд ли ты готов понять игру природы
и выпить наяву смятенье грёзы снов.

Как просто быть простым: что видишь — то и видишь,
не допуская в ум сомнительных идей.
Зачем искать в воде путей в ушедший Китеж —
затопленной мечты кладбищенский музей?

ВЫСШИЙ ДОЛГ

А. П.

Взял в долг сто тысяч. На неделю.
А я три года жду. Привет!
Случайно встретились в борделе.
Что скажешь, дорогой поэт?

Ответ был прост и безупречен,
как ключик, вставленный в замок:
«Мой друг, на свете столько женщин!
И их иметь — мой высший долг!»

БЕЛЫЙ ФЛАГ НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ

Повесь на окно на седьмом этаже
призывное белое платье.
А если нет платья — повесь неглиже.
И чтобы об этом мог знать я.

Тогда я пойму: Ты — моя, ё-моё!
Сдалась неприступная крепость!
Но, может, ты просто сушила бельё?
Ошибка. Бывает. Нелепость.

ПОСКОЛЬКУ

Она никого не хотела любить,
поскольку совсем никого не любила.
Ей просто хотелось счастливою быть,
но счастье её увядало уныло

в том городе мрачном, как замок троллей,
стоявшем нетленным надгробьем могилы,
где тролли из замка подобьем людей
снова́ли туда и сюда суетливо.

В том городе не было света любви.
Какая любовь? Никакая! Бесила
она выползающих из скорлупы
с оскалом стальным и зрачком крокодила.

Я вырвал из сердца остатки тепла
и стал, словно тролль, импотентом голимым,
а та, что жила в нём, без слёз умерла,
поскольку она никого не любила.

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ

Белизна ваших плеч безотрывно манит,
и не менее — виды иные,
но вы вряд ли отбросите девичий стыд,
чтоб пойти на мои позывные.

Вашей бедной души бесконечный надлом
и страданий крикливая стая
стерегут полицаем за каждым углом,
по пятам запятой наступая.

Вы запнулись на точке-тире и на том
возбуждающем письменном знаке,
без него ваша жизнь — словно маленький ком
в манной кашке бесцветной клоаки,

из которой не деться уже никуда —
не пролезть сквозь кремлёвские стены,
где травой-лебедой расцветает беда
выше стен совершенно мгновенно.

Как вам хочется светлого счастья в руке!
Как вам хочется светлого счастья!
Но мечта белым платьем висит на крюке,
ожидая надежду напрасно...

СМЕШНОЕ

Написать тебе что-нибудь смешное?
Да, вообще, жизнь смешна, как частность.
Только мне почему-то темно, что ли?
Или это в чём-то отсутствует ясность?

Не погибай! Не сжимай сильно
руки-губы — не рыбки в банке,
даже если жизнь апельсином
катится «в», а не «вдоль да по Казанке».

Мой троллейбус, видно, теряет номер —
был бы триста, но всё — как первый,
потому что в крике недавно помер,
в повороте резком оборвав нервы.

Пусть в «Миракле» в чай добавляют «нарки»,
и в сосисках свинства полно до жути,
но ведь жизнь — не мертвецу припарки,
докопаться можно до самой сути.

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

В. К.

Без женщин и бухла — какая это жизнь?
Я снова закурю, играя перманентно-беззаботно,
перебирая струнный романтизм,
и к вам опять пишу луцильно, экстрамодно, эпизодно.

Ну что, приятель, жмут в коленках возраста штаны?
А может, всё ещё по-польски «не сгинела»?
Не выходи на эти улицы — они,
увы, не помнят большего, чем помнит твоё тело.

И как там ваше всё? Как бьёт оно ключом?
Как прыгает по вам, по вашим полочкам,
развешанным на стенках?
Не остановишь кирпичом, и ни при чём
как будто было бы — но вряд ли веришь тем
зазубренным отметкам.

Дерёт ли вас мороз по коже ваших дат?
От чисел в столбиках, записанных так тщательно
в балансы?

Куда идти? Что делать? Кто же виноват?
И если нет финансов — пой для девушек козлиные
романсы.

На этой глупой фразе стоит замолчать
и больше ни о чём не говорить, чтобы не быть
болтливым.

Я закрываю старую тетрадь,
но новой — нет пока, поэтому я не спешу, глаза
в гладь залива.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение к путешествию . 3	Что шепчет ангел 33
Тень поэзии 4	В ресторане 34
Процесс. 5	Голгофа 35
Новый пророк 6	Хозяин жизни 36
Одно утро 7	Тусклая жизнь звезды 38
Мужчина — каменная стена . . 8	Известный поэт 39
Споры о счастье 9	Зашел в подворотню 40
Стеснительность 10	Неудачное свидание 41
Домашняя ссора 11	19 октября 42
Грустная песня о большой любви 12	Бунтарь 43
Отравы 14	Степенная матрона 44
Добивающийся Принц 15	Моль 45
Совсем надоели стихи! 16	Новогодний вечерок 46
Только вино! 17	Happy end 47
Одной Клеопатре 18	Валентинка 48
Вот как бывает 19	Парус 49
Избавление от любви 20	Песенка ленивого пенсионера 50
Сказка про Репку 21	Февраль 51
Ягуар 22	Поэтэссека 52
Годива 23	Музыка крыш 54
Несчастный человек 24	Детский садик 55
Прикоснуться с нежностью . . 26	Никотин и Алкоголь 56
Фиолетово 27	Математика 57
Сильные руки 28	Плюс и минус 58
Женщина во сне 29	Неудачные похороны 59
Изменчивый цвет волос сантехника 30	Феминистка 60
Стихобухгалтерия 31	Узбегство 61
Вечер с девушками и пиццей 32	Я люблю только деньги! 62
	Номерочек 64
	Икарус 65

Кьянти	66	Книговертепье.....	88
Козоново.....	67	Расстройство по-женски	89
Развлечения в рабочее время.....	68	Мужик.....	90
Двадцать девятый этаж	69	Избывшиеся.....	91
Праздник мороженого на Дворцовой.....	70	Не суждено.....	92
Плебисцит	71	Беспилотница	93
На смерть попугая	72	Екатерина и Маргарита	94
Зачем ты мучаешь меня?...	73	Правильный выбор.....	96
Тени на кладбище.....	74	Скука.....	97
Генезис	75	Плотское.....	98
Грипп	76	Желательно!.....	99
Покурить да подышать.....	77	Осколочное	100
Да?.....	78	Толерантная секс-сказка ...	101
Концертное	79	Закрытая дверь	102
Плоскость.....	80	Бесподобное.....	103
Прессное.....	81	Высший долг	104
Мебельные страсти.....	82	Белый флаг на седьмом этаже.....	105
Ночной клуб «Море».....	83	Поскольку.....	106
Барменша.....	84	Белое платье	107
Рыбалка	85	Смешное.....	108
Виселье.....	86	Старая тетрадь	109

Литературно-
художественное издание

Лабытнанги
ЧЁРНЫЙ АЛЬБОМ

Верстальщик *Н. А. Вознесенский*
Корректор *С. К. Бабинская*

Подписано в печать 21.12.17. Формат 125 × 200 мм. 2,78 уч.-изд. л. Тираж 100 экз. Оригинал-макет подготовлен в ООО «Издательский дом „Коло“». 197198, Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 1/79, оф. 206. www.kolohouse.ru. Отпечатано в ООО «ИПФ „Реноме“». 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел.: (812) 766-05-66. www.renomespb.ru

9 785446 200955 >

